

На правах рукописи

МУСАЕВ Мухтар Абдулаевич

**ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ
И УГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ
в 1920-1930-е гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2011

Работа выполнена на общеуниверситетской кафедре истории
и культурологии Московского государственного
гуманитарного университета им. М.А.Шолохова

Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор
ИБРАГИМОВ Муса Муслиевич

Официальные оппоненты - доктор исторических наук, профессор
НЕЧИПАС Юлия Викторовна
кандидат исторических наук
ШЕВЕРДЯЕВ Николай Николаевич

Ведущая организация - Комплексный научно-исследовательский ин-
ститут Российской Академии наук (г. Грозный)

Защита состоится 18 апреля 2011 года в ___ часов на заседании диссер-
тационного совета Д 212.154.01 при Московском педагогическом государст-
венном университете по адресу: 119571, Москва, проспект Вернадского,
д.88, кафедра истории МПГУ, ауд. 817.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу:
119992, ГСП-2, Москва, ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан

« ___ » марта 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Киселева Л.С.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интерес к истории органов внутренних дел заметно возрастает в условиях политической нестабильности, обострении экономических противоречий и росте общественной конфликтности. Высокий уровень преступности в современной России, угрозы общественной стабильности требуют обращения к историческому опыту укрепления и развития правоохранительной системы, особенно в таких проблемных регионах как Северный Кавказ.

Общественно-политическая и криминогенная ситуация на Северном Кавказе во многом отражает общую обстановку в этой сфере в России. За последнее десятилетие удалось добиться значительных успехов в преодолении экстремизма, борьбе с бандитизмом и уголовной преступностью, стабилизации общеполитической ситуации. Однако на данный момент в регионе решены еще далеко не все задачи налаживания мирной жизни, защиты правовых, экономических и гражданских интересов населения. Урегулирование ситуации на Северном Кавказе во многом зависит от взвешенной политики центральной власти в правоохранительной сфере. В этом смысле объективно необходима опора на исторический опыт борьбы с преступностью в 1920-1930-е гг.

Степень изученности проблемы. В советской и постсоветской историографии сформировались устойчивые подходы к исследованию деятельности органов внутренних дел на Северном Кавказе в период становления советской государственности. В советской историографии изучение данной проблемы находилось под влиянием марксистских идеологических установок, многие вопросы освещались необъективно и тенденциозно. Несмотря на обновление методологических подходов за последние годы, количественный и качественный рост исторических исследований, далеко не все концептуальные оценки процесса борьбы с бандитизмом и уголовной преступностью на Северном Кавказе представляются верными и научно обоснованными. В данной связи объективное исследование этого вопроса на Северном Кавказе в 1920-1930 гг. актуально и с историографической точки зрения.

Для литературы, созданной в советский период, было характерно, прежде всего, то, что в ее основе лежала концепция социалистического строительства. При этом известная политизация проблемы преступности приводила к тому, что она нередко рассматривалась как одна из форм классовой борьбы свергнутых эксплуататорских классов, что, соответственно, отражалось на понимании задач, стоявших перед правоохранительными структурами. Характерной чертой этого периода было и то, что авторами работ выступал ограниченный круг лиц, непосредственно связанных с работой правоохранительных органов.¹

¹ См.: Мороз Г.С. ВЧК и Октябрьская революция // Власть Советов. – 1919. – № 11; Его же. Из истории гражданской войны в России // Коммунистический интернационал. – 1920. – № 16; Ладис М.Я. Об истории возникновения и роли чрезвычайных комиссий // Вступительная статья к кн.: Инструкция для организации губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. –

В условиях укрепления Советской власти в 1920-1930-е гг. началось последовательное освоение истории советской милиции.² Под эгидой Главмилиции и НКВД была предпринята попытка создания специального труда по истории ведомства. Однако эта работа осталась незавершенной. Объективный анализ развития советской милиции тогда вряд ли был возможен. Отсутствие серьезных специальных трудов в 1920-е годы в известной степени компенсируется работами, посвященными проблемам преступности, девиантного поведения, в которых нашла свое отражение и деятельность милиции по пресечению антиобщественных явлений.³

С середины 1920-х гг. основной тенденцией, проявившейся в исторических исследованиях, стало выделение особой роли И.В. Сталина в процессе укрепления Советской государственности.⁴ Важной частью историографии данного периода являются исследования, в которых содержалась критика так называемого «буржуазного национализма».⁵ Авторы отмеченных работ не только собрали интересный фактический материал, но и сумели предложить оригинальные методологические подходы.

Идеологизация советского исторического знания серьезно отразилась на состоянии источниковой базы, которая была представлена, главным образом, сборниками документов по борьбе за советскую власть на Северном Кавказе, воспоминаниями ее участников, материалами съездов различных народов, а также сборниками официальных статей и речей партийных и советских руководителей. Та же направленность сохранялась в подборе архивных документов, что приводило к одностороннему освещению участия органов внутренних дел в социалистическом строительстве.

В 1930-50-е годы исследование истории милиции, фактически прекратилось. Во-первых, здесь сказалась ее закрытость в условиях тоталитарного государства. Во-вторых, следует учесть, что многие руководители НКВД были репрессированы, и любое упоминание о них в печати исключалось. В вышедших в конце 1940-х гг. юбилейных изданиях, посвященных созданию

Киев, 1919; Ладис М.Я. (Судрабс). Два года борьбы на внутреннем фронте. – М., 1920; Его же. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. – М., 1921.

² См.: Пять лет власти Советов. М., 1922; Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1927; Пектар И. Историческая справка, необходимая для создания истории рабоче-крестьянской милиции/ Рабоче-крестьянская милиция. 1924. №6; За восемь лет. Материалы по истории советской рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска. 1917-12 ноября 1925. Л., 1925 и др.

³ См.: Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927; Броннер В.М. Елистратов А.И. Проституция в России. М., 1927; Вислоух С. Проституция и алкоголизм/ Рабочий суд. 1925. №7-8 и др.

⁴ См.: Попов Н.Н. Октябрьская революция и борьба с преступностью. М., 1927; Намитокоев Н. Государственная политика и задачи советов. М., 1930; Оборин А. Национальный вопрос в СССР. М., 1931; Трайнин И. Борьба с преступностью в капиталистических странах и в СССР. М., 1931; Акопов А. Октябрь и успехи государственного строительства. М., 1932; Итоги разрешения национального вопроса в СССР. / (под ред. С. Диманштейна). М., 1936; Унцлихт И. Государственное устройство СССР. М., 1936.

⁵ См.: Павлович М. (Вельтман М.) Революционный Восток. М., 1927; Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую политику. Казань, 1930; Асанов А. Двенадцать лет борьбы с преступностью. Симферополь, 1933; Нутис А. Против великодержавного шовинизма и местного национализма. Хабаровск, 1933; Тюрбеев А. До конца разгромить буржуазный национализм Чалчаева. Элиста, 1935.

Адыгейской и Черкесской автономных областей, подчеркивалась роль местных революционных групп в борьбе с преступностью.⁶

Некоторое оживление деятельности по изучению истории органов милиции относится ко второй половине 1950-х годов.⁷ Однако по настоящему переломным моментом в развитии историографии проблемы стала середина 1960-х годов. Причины такого поворота видятся как в приближении пятидесятилетнего юбилея советской милиции, так и в общем внимании к МВД нового политического руководства страны. Именно в это время определились основные типы исследовательских работ, составивших в 1960-80-е годы основу отечественной историографии МВД. С одной стороны, это работы учебного плана,⁸ а с другой - очерки истории.⁹

Основной упор в советской историографии делался на партийном руководстве органами милиции.¹⁰ Литература 1970-первой половины 1980-х годов, при заметном росте интенсивности исследований, оказалась ограниченной рамками стереотипов так называемого застойного времени. Тем не менее, накопленный материал позволил ряду исследователей выйти на качественно новый уровень. Вместе с тем, волна исследований по истории милиции не затронула отдельные регионы Северного Кавказа. Даже в обобщающих работах по истории региона по данной проблеме практически ничего нельзя обнаружить.¹¹ В этой связи, в диссертации использовалась литература лишь косвенно затрагивающая предмет настоящего исследования.¹²

Вышедшие в середине 1960-х - начале 1980-х гг. обобщающие труды по истории автономий народов Северного Кавказа и их партийных организаций сконцентрировали в себе все основные достижения и недостатки исто-

⁶ См.: Адыгейская автономная область. Посвящается 25-летию советской Адыгеи. 1922-1947. - Майкоп, 1947; 20 лет Черкесской автономной области. - Ставрополь, 1948.

⁷ См.: Еропкин М.И. Краткий очерк развития организационных форм Советской милиции (1917-1930гг.). М.: ВШ МВД СССР, 1959; Николаев П.Ф. Омская милиция в борьбе за установление Советской власти. Омск, 1957 и др.

⁸ См.: Кисис М.П. Основные этапы истории советской милиции. М., 1965; Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М., 1967; Коваль И.Я. История советской милиции. М., 1967; Кизилов И.И. Основные этапы истории советской милиции. М., 1969; Биленко С.В. Максименко Н.П. Этапы развития советской милиции. М., 1972 и др.

⁹ См.: Бычков В.Ф. Закона и порядка верный щит: Очерки истории советской милиции Мордовии. Саранск, 1982; Калинин Е.В. Эта нелегкая служба: Очерки из истории сахалинской милиции. Ю-Сахалинск, 1984; Неймарк В. Годы становления. Документальные очерки по истории Костромской милиции 1917-1926 гг. В 2-х ч. Кострома, 1987 и др.

¹⁰ См.: Хоринцев Г.Н. Организация и деятельность рабоче-крестьянской милиции Бурятской АССР в период построения социализма (1917-1937гг.). Иркутск, 1985; Дугин А.Н. Органы Московской городской милиции в 1917-1930 гг. М., 1988; Суслин Э.В. Комсомол - активный помощник Коммунистической партии в создании и развитии милиции (1918-1936гг.). Л., 1988 и др.

¹¹ См.: Борисенко И. Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году. Ростов-на-Дону, 1930; Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 20-30 гг. Ростов-на-Дону, 1930; Се-ребрякин С. Боевой путь красных партизан. Ростов-на-Дону, 1934; Очерки истории Карачаево-Черкессии. Т.2. Черкесск, 1972; Ставрополье за 40 лет Советской власти. Ставрополь, 1957 и др.

¹² См.: Колосов А.П. Органы милиции в 1920-1930 гг. М., 1961; Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1971; Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Ставрополья. Черкесск, 1978; Карданова А. Восстановление народного хозяйства в Дагестане (1921-1935 гг.). М., 1979; Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969 и др.

риографической мысли своего времени.¹³ В соответствии с партийной установкой на строительство коммунизма, историки были вынуждены освещать рост правосознания советского социума, показывать примеры укрепления законности в СССР. В исследованиях подчеркивалось, что советская система нивелирует преступность и, вопреки точке зрения буржуазных фальсификаторов, в стране отсутствуют любые предпосылки для девиантного поведения.¹⁴

На рубеже 1980-1990-х гг. в методологии исторических исследований наметились серьезные позитивные коррективы, историки начали избавляться от идеологизации научного знания, произошел отказ от классовой оценки исторических событий, от доминанты марксистско-ленинской научной парадигмы. Методологическому обновлению исторической науки способствовали публикации трудов оппонентов советской власти, запрещенные в предыдущие периоды существования советской системы. Отличительной чертой развития исторического знания стала свободная трактовка известных исторических событий и преобладание критических взглядов на роль силовых структур Советской России в 1920-1930 гг.

В 1990-е гг. наметился значительный рост числа как научных, так и публицистических работ. В контексте произошедших в стране политических изменений в изучении истории органов милиции также наметилось переосмысление привычных оценок, появились новые направления научного поиска. В частности, в это время началась разработка персоналий репрессированных работников,¹⁵ истории профессиональных организаций работников НКВД и т.д.¹⁶ Серьезный пересмотр прежних оценок и выводов отличает даже традиционные публикации очеркового типа.¹⁷ Заметным явлением науч-

¹³ См.: Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966; Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации. Орджоникидзе, 1969; Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970; Очерки истории Кабардино-Балкарской истории КПСС. Нальчик, 1971; История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1966. Т. 2; История Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1967. Т. 2; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1972. Т. 2; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2; Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920-1924 гг. (Проблемы национально-государственного строительства). Дисс... канд. ист. наук. Л., 1984 и др.

¹⁴ См.: Акимов А.Х. Осуществление ленинских идей на Северном Кавказе. – Махачкала, 1970; Абазатов М.А. Чечено-Ингушская АССР. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1973; Медалиев Х.Г. О некоторых особенностях индустриализации национальных республик и областей Северного Кавказа // Образование СССР – торжество ленинской национальной политики. – Пятигорск, 1972; Советская государственность и борьба с преступностью. М., 1972; Росенко М.Н. Роль русского народа в строительстве коммунизма. Л., 1971; Ильюшковский С.В. Проблемы развития национальных регионов в условиях развитого социализма. Челябинск, 1978; Вайсфельд И. Борьба с бандитизмом. М., 1975; Карданов А.Т. Органы милиции Кабардино-Балкарии в период строительства социализма. 1920-1937 гг. – Нальчик, 1976.

¹⁵ См.: Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов: История НКВД-МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова (1917-1982 гг.). М., 1995.

¹⁶ См.: Маюров Н.П. Профессиональные союзы сотрудников рабоче-крестьянской милиции (1918-1937гг.). СПб., 1995.

¹⁷ См.: Беда А.М. Московская милиция. М., 1991; Бугаев Д.А. На службе милицейской: История милиции Красноярского края. (1917-1925гг.). Кн.1. Ч.1. Красноярск, 1993; Власов А.Е. Создание милиции Забайкалья в 1917 году. Чита, 1997 и др.

ной жизни стали серьезные обобщающие исследования, принадлежащие перу ведущих отечественных специалистов по истории милиции.¹⁸

Взросший интерес к изучению истории правоохранительных органов вообще и милиции — в частности, обусловил появление большого числа диссертационных исследований. При этом особенно заметную группу здесь составили кандидатские диссертации по истории милиции 1920-1930-х годов.¹⁹ Помимо освоения богатого материала, они позволили произвести переоценку традиционных подходов к истории милиции как к процессу непрерывного воплощения на практике партийных решений и установок. Интерес представляют работы, рассматривающие различные проявления девиантного поведения.²⁰

Ученые полагают, что карательные функции в советский период выполняли многие органы, в том числе советские и партийные. Однако в основном они освещают деятельность тех структур, которым было положено карать по закону: ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД, судебные органы и органы, исполняющие наказание, прокуратура, милиция. В отличие от советской историографии, большинство современных исследователей называют эти органы не правоохранительными, а карательными, что, на наш взгляд, не во всех случаях оправданно.²¹

Для данных работ характерен интерес к изучению правового статуса советских карательных органов и их места в системе советского государства. Авторы признают, что переход к новой экономической политике привел к изменениям в характере их деятельности. Л.П. Рассказов пишет: «Изменения, происходившие в стране, объективно уменьшали сферу деятельности карательных органов. Это обстоятельство учитывало руководство РКП(б), внося определенные коррективы в их работу».²² По его мнению, в системе правовых отношений в связи с переходом к НЭПу проявились две основные тенденции: развитие основ законности и, противоположная ей, ограничение прав

¹⁸ См.: Дугин А.Н. Борисов А.В. Малыгин А.Я. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995; Полиция и милиция России: Страницы истории. М., 1995; Мулукаев Р.С. Карташов Н.Н. Милиция России (1917-1993гг.). Историко-правовой очерк. Орел, 1995; Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996 и др.

¹⁹ См.: Пирбудагов Н.П. История становления и развития дагестанской милиции в 20-е годы XX века. Махачкала, 1998; Павлов А.Н. Петроградская милиция: ее развитие и деятельность в условиях НЭПа (1921-1925гг.). СПб., 1995; Феоктистов С.Ф. Милиция Забайкалья в 1917- начале 1930-х годов. СПб., 1999.; Худяков П.П. Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 20-е годы. Владивосток, 1996 и др.

²⁰ См.: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. СПб., 1999; Марков Г.В. Часовые правопорядка. О милиции Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1997; Шкаровский М.В. Ленинградская проституция и борьба с ней в 1920-е годы/ Невский архив. I. М.-СПб., 1993; Шкаровский М.В. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917-1920-е годы/ Невский архив. III. М.-СПб., 1997.

²¹ См.: Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941). Уфа, 1994; Рассказов Л. П. Роль карательно-репрессивных органов в становлении административно-командной системы в первые годы советской власти. Уфа, 1992.

²² См.: Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941). Уфа, 1994. С. 198.

человека, устранение политической оппозиции, ужесточение карательной политики.²³

Историки Ф.Ч. Ахмадеев, В.С. Кобзов, М.Н. Денисевич, В.М. Кружинов и другие на региональном материале исследовали и многие другие сюжеты темы.²⁴ В литературе речь идет о создании системы органов правопорядка, деятельности милиции, судебных органов, органов прокуратуры на территории края. Исключительно интересной представляется попытка А.Ю. Филонова, Л.А. Фофановой, С.В. Щеткина создать социальный портрет работника правоохранительных органов Советской России в 1920-1930-е гг.²⁵

Анализируя литературу, можно встретить различные оценки, которые дают современные авторы деятельности советских правоохранительных органов Северного Кавказа в 1920-1930-е гг. И сегодня, несмотря на радикальные перемены в общественном строе страны, достаточно популярна традиционная точка зрения на деятельность правоохранительных органов. Так, А.М. Воробьев и В.А. Демин считают, что «в 1920-е гг. милиция принимала непосредственное участие в борьбе с голодом, с детской безнадзорностью и беспризорностью, в охране общественного порядка и предприятий».²⁶ Но большинство современных исследователей делают упор на изучение репрессивной функции в деятельности правоохранительных органов.²⁷ По словам И.К. Шабановой, «большевистское руководство, занятое проблемами укрепления своей власти и задачами мировой революции, рассматривало правоохранительные органы, прежде всего, как орудие диктатуры пролетариата, призванное карательными методами подавлять классовых врагов».²⁸

Таким образом, историографический обзор показывает, что, несмотря на большое количество работ, особенно общего плана, а также на наметившийся в последние годы заметный рост интереса к истории милиции, практически вне поля зрения исследователей остаются многие региональные особенности становления и укрепления органов внутренних дел, особенно в национальных районах Северного Кавказа.

²³ См.: Там же. С. 112.

²⁴ См.: Ахмадеев Ф. Х. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений / Ф. Х. Ахмадеев, Н. А. Катаев, А. Г. Хабибуллин. М., 1993; Денисевич М. Н. Органы государственной безопасности. Екатеринбург, 1998; Кобзов В. С., Семенов А. И., Правоохранительные органы Советской России в борьбе с «политическим бандитизмом» // История правоохранительных органов России. М., 2000; Кружинов В. М. В преддверии «коммунистического звездпада»: репрессии против участников внутрипартийных группировок на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. // Ист. наука на пороге третьего тысячелетия. М., 2000.

²⁵ См.: Фофанова Л.А. Социальный портрет сотрудника НКВД середины 20-х гг. М., 1993; Шибанов Н.С. Зеленая война: Исторические очерки. Челябинск, 1997; Шишкин В.И. За советы без коммунистов: Крестьянские восстания в 1920-е гг.: Сб. документов. Новосибирск, 2000; Щеткин С.В. Сотрудник милиции в годы НЭПа: идеал, норма и девиантность // Деонтология правоприменительной деятельности: история становления и современные проблемы. М., 2000; Щеткин С.В. Опыт работы школ милиции в годы НЭПа // Полиция и милиция России: формирование и развитие. М., 2000.

²⁶ См.: Воробьев А. М., Демин В. А. Милиция. М., 1998. С. 332.

²⁷ См.: Федоренко С.И. Борьба с уголовной преступностью и обеспечение общественного порядка на Северном Кавказе (1917-1928 гг.). Дисс. д.и.н. М., 2010.

²⁸ См.: Шабанова И.К. Правовой произвол начала 1920-х гг. // Сибир. ист. журн. 2006/07. Тюмень, 2006. С. 205.

Актуальность и проведенный историографический анализ определили цели и задачи исследования. **Целью диссертации** является комплексный, научный анализ борьбы органов внутренних дел с бандитизмом и уголовной преступностью на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг.

Для достижения поставленной цели, автор определил следующие основные задачи исследования:

- проанализировать структуру и кадровый потенциал органов внутренних дел республик Северного Кавказа в 1920-1930-е гг.;

- показать тенденции и противоречия борьбы органов милиции и уголовного розыска с бандитизмом и организованной преступностью на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг.;

- с использованием новых материалов исследовать участие органов внутренних дел в борьбе с экономическими и бытовыми правонарушениями в регионе.

Выбор хронологических рамок - 1920-1930 гг. - в значительной степени продиктован спецификой самого предмета исследования. В это время в стране в целом, и на Северном Кавказе – в частности, при активном участии органов милиции и уголовного розыска шло становление основных базовых составляющих социалистического общества. Укрепление вертикали власти, борьба большевистской партии с антисоветскими элементами, с бандитскими группами, сохранившимися в регионе со времен гражданской войны, с уголовными и экономическими преступлениями не могла проходить без опоры на силовые структуры. С учетом этого история органов внутренних дел Северного Кавказа в 1920-1930 гг. может быть предметом самостоятельного исследования.

Территориальные рамки исследования включают Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский (до 1943 г. Орджоникидзевский) края и в их составе Адыгейскую, Карачаевскую и Черкесскую автономные области, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую автономные республики, Дагестан, Чечню и Ингушетию. Северо-Кавказский регион расположен на юге европейской части Российской Федерации. Его территория простирается от Нижнего Дона до Большого Кавказского хребта. В 1920-1930-е гг. на Северном Кавказе проживало более 50 коренных национальностей, что составляет главную особенность исследуемого региона.

Источниковую базу работы составили опубликованные и архивные источники. Среди источников, обнаруженных в открытой печати необходимо выделить публикации 1920-1930-х годов: нормативные акты и ведомственные приказы,²⁹ отчеты и материалы милицеских съездов,³⁰ статистические

²⁹ См.: Действующие документы по милиции. М., 1928; Сборник приказов начальника милиции Республики. М.: изд. НКВД РСФСР, 1921-1922; Систематический сборник действующих руководящих приказов, циркуляров и инструкций по милиции. М., 1923 и др.

³⁰ См.: Милиция в 1921 году (Два отчета управления милиции). М., 1922; Первый Всероссийский съезд работников милиции (6-8 марта 1922г.). М., 1922; Наш край: Документы, материалы (1917-1977гг.). Ставрополь, 1983 и др.

данные.³¹ Отдельный блок составили центральные и местные периодические издания. Среди документальных публикаций, появившихся в послевоенный период нужно отметить, региональные краеведческие сборники, а также сборники документов и материалов по истории милиции.³² Важно отметить, что в постсоветский период произошла заметная активизация публикаций подобного рода документов, шире стал их тематический диапазон.³³

Основное значение для разработки избранной темы имели неопубликованные архивные материалы. Автором были изучены документы двух центральных (ГАРФ, РГАСПИ) и 3 местных (ГАКК, ГАСК, ЦДНИКК) архивов. В Государственном архиве Российской Федерации богатый материал отложился в фонде Р-393 (НКВД РСФСР). Вспомогательное значение имели фонды Юго-Восточного и Кавказского Бюро ЦК РКП(б), а также фонды Орджоникидзе Г.К. и Кирова С.М. Российского государственного архива социально-политической истории. Особую ценность представляли материалы Государственных архивов Краснодарского и Ставропольского краев (ГАКК, ГАСК), а также Центра документации новейшей истории Краснодарского края. В их числе следует особенно выделить фонд Кубано-Черноморского областного управления милиции в ГАККе (Р-103).

Методология исследования. В работе над диссертацией автор использовал как общенаучные, так и специальные исторические методы исследования. Исторический и логический методы позволили определить этапы становления и развития органов милиции. Сравнительно-исторический метод позволил выявить основные направления и особенности их деятельности на региональном уровне. Метод синхронизации дал возможность одновременно рассматривать главные направления работы милиции в рамках каждой из отдельно стоящих исследовательских проблем.

Научная новизна диссертации состоит в том, что данное исследование является первой работой, посвященной истории органов внутренних дел республик Северного Кавказа и их борьбе с преступностью в регионе в 1920-1930-е гг.

Деятельность органов внутренних дел республик Северного Кавказа рассматривается в работе в органической взаимосвязи с организацией новых административных структур, обеспечивавших общую стабильность в этом непростом регионе. Создание первых отрядов местной милиции стало закономерной реакцией власти на широкое распространение в горных и предгорных районах формирований горской самообороны, возникших еще в годы гражданской войны на кланово-родовой или территориальной основе. Их присутствие значительно усложняло задачу строительства на Северном Кав-

³¹ См.: Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД РСФСР. Вып. 1-8. М., 1924-1927.

³² См.: История милиции Украинской ССР в документах и материалах (1917-1937гг.). В 2 т. Киев: изд. Киевской ВШ МВД СССР, 1969; Первые годы Ленинградской милиции 1917-1922 гг. (Сб. док-тов). Л., 1967 и др.

³³ См.: Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: Справочник/ А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 1997; Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

казе советской государственности и восстановления элементарного правопорядка. Подобные отряды исчезали так же быстро, как и возникали, а потому сведения об их деятельности часто разрозненны и противоречивы. Автор показывает, что в практической деятельности отрядов горской самообороны граница между поддержанием правопорядка и элементарным бандитизмом часто являлась размытой. На начальном этапе национально-государственного строительства в регионе это мешало местной власти сформировать по отношению к ним свою четкую позицию.

В работе впервые проведено исследование особенностей организации и функционирования милиции в рамках полиэтнического региона, отличающегося, пожалуй, наиболее органичной интеграцией в рамках русско-горского взаимодействия на Северном Кавказе. В 1920-е гг. многие противоречия на Северном Кавказе определялись сложностью и остротой земельного вопроса, регулярно возникавшего в отношениях между казаками, иногородними и горским населением. При всей глубине данных противоречий, они не идут ни в какое сравнение по остроте и ожесточённости с теми столкновениями, которые происходили между различными кланами и этническими группами самих горцев.

На основе анализа документов местных архивов показаны трудности создания и деятельности органов милиции, обусловленные наследием боевых действий на Северном Кавказе в годы гражданской войны, криминализацией общественного сознания, слабостью местных органов власти, полиэтничностью региона, в котором традиционное абречество стало идеалом для массы обнищавших горцев. В то же время автор не связывает преступность с национальными, профессиональными или ведомственными характеристиками. Криминальную волну 1920-1930-х гг. составляли представители самых разных социальных и этнических групп, в которые входили горцы, казаки и иногородние; рабочие, крестьяне и интеллигенты.

В диссертации отмечается низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников милиции, особенно в горных районах Северного Кавказа. Серьезные проблемы периодически возникали не только со знанием криминалистики и уголовного права, но и элементарной грамотностью. В данной связи на протяжении всего исследуемого периода практиковалась переброска милицейских кадров с Кубани и Ставрополя, и даже Центра страны, в горные районы Северного Кавказа для обеспечения там законности и правопорядка. Вплоть до конца 1930-х гг. личный состав милиции в массе своей оставался русским.

Важная особенность исследуемого региона заключалась в том, что наряду с вновь созданными органами советской милиции устойчиво сохранились прежние формы поддержания правопорядка, в частности, традиционный суд. Это предоставляло широкие возможности сотрудничества с местным населением, значительная часть которого была готова активно бороться с преступностью.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что исторический опыт организации и деятельности милиции в условиях становления Советской власти может быть учтен и в определенной мере использован органами МВД. Материалы диссертации могут найти применение при чтении специальных и факультативных курсов в вузах (в т.ч. системы МВД), а также при написании обобщающих трудов, разработке учебников и спецкурсов по истории России.

Апробация исследования. Результаты диссертации изложены в публикациях автора, а также в сообщениях и докладах на научных конференциях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность, определяются цели и задачи исследования, его хронологические рамки, дается историографический обзор, рассматривается научная новизна и методология диссертации.

В первом разделе - «Структура и кадровый потенциал органов внутренних дел республик Северного Кавказа в 1920-1930-е гг.» - показано, что в исследуемый период органы внутренних дел были крайне малочисленны. В отдельных регионах реальная комплектация милиции составляла 50 % от заявленной численности.³⁴ К осени 1922 г. милиция приобрела некоторую структурную определенность, функционировали отделения, делившиеся на районы.

В начале 1920-х гг. органы милиции на Северном Кавказе вступили в катастрофический период перехода на местный бюджет, следствием чего стало неуклонное сокращение штатов, постоянные задержки заработной платы сотрудников.³⁵ О глубине кризиса свидетельствуют, в частности, демарши работников угро, регулярно предъявлявших ультиматум с угрозой коллективной отставки. Поскольку неоднократные просьбы о принятии на государственное снабжение милиции и уголовного розыска³⁶ были безрезультатны, изменить ситуацию не представлялось возможным. В итоге в отдельных округах осталось всего по 6-8 сотрудников, включая начальника, а основная нагрузка по обеспечению общественного порядка перекладывалась на население, в т.ч. на мобилизуемых по нарядам граждан.

В ряде регионов отрядами местной милиции назывались обычные группы аульской самообороны, лишь отдаленно напомилавшие как дореволюционные временно-милиционные формирования, так и советскую милицию. Их наличие вовсе не препятствовало функционированию разнообразных политических и этнических вооруженных отрядов.

Слабость органов охраны правопорядка привела к тому, что за пределами крупных городских центров установление власти большевиков на Се-

³⁴ См.: ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 37. Д. 148. Л. 4.

³⁵ См.: Минасов А.С. Становление и развитие органов милиции и уголовного розыска Карачаев-Черкесии (1920-1928 гг.). М., 2002. С. 14.

³⁶ См.: ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 461. Л. 90.

верном Кавказе заняло достаточно длительный период. Более успешно оно проходило в равнинной части. Движение в горные районы затянулось и проходило весьма специфическим образом. Реально основная часть региона вплоть до середины 1920-х гг. находилась вне сферы влияния новой власти. Гористая, в основном покрытая лесами местность длительное время обеспечивала надежное убежище самым разномастным вооруженным отрядам (остаткам белогвардейских формирований, дезертирам, уголовным бандам и пр.). В еще большей степени она способствовала также сохранению традиционной для Северного Кавказа этнической конфликтности. Пестрый состав населения, постоянные изменения административно-территориальных границ, обусловили крайне медленную и болезненную советизацию региона, стабильно высокую конфликтность.

Формированию устойчивой криминальной среды на Северном Кавказе способствовала социальная и этническая напряженность, сложное экономическое положение, отсутствие укомплектованных подразделений милиции. Обвальное сокращение штатов было остановлено лишь осенью 1924 года. Слияние милиции и уголовного розыска с административными отделами резко ослабило угро и практически полностью растворило милицию в массе мелких местных проблем. Сложность ситуации состояла в том, что в условиях экономических трудностей без помощи центра содержание милиции было невозможно. Переход на местный бюджет имел массу негативных последствий. В частности, милиция все более замыкалась в провинциальном пространстве.

Ослабление органов внутренних дел привело к заметным сбоям в борьбе с организованной преступностью. Особую опасность представлял уголовный бандитизм. В результате, взрыв преступности в 1920 гг. потребовал уже применения чрезвычайных методов борьбы (массовая высылка «порочного элемента» и пр.). Одновременно он заставил укрепить штаты, установить обязательный минимум зарплаты сотрудникам. Некоторая стабилизация, намечившаяся в середине 1920-х гг. радикально не изменила ситуацию. Местные власти по-прежнему перекладывали основную часть забот по борьбе с преступностью на отряды самообороны («квартальные отряды» и т.п.), наемных стражников, тогда как милиция, неэффективно противостоявшая преступности, все более превращалась в силовой придаток различных ведомств, перегружавших ее своими профильными проблемами.³⁷

Автор показывает, что на протяжении рассматриваемого периода так и не были решены проблемы адекватного финансирования органов внутренних дел. Жалование местных сотрудников оставалось крайне низким. Служба в милиции не являлась престижной. Даже при ограниченности штатов, в регионе сохранялся некомплект сотрудников. Немало негативных проявлений имело скрытое и явное противостояние ведомств: наличие относительно сла-

³⁷ См.: Малыгин А.Я. Государственно-правовой статус милиции РСФСР в период проведения новой экономической политики (20-ые годы). Диссертация на соискание уч. ст. доктора юридических наук. – М.: Академия МВД РФ, 1992. С. 14.

бого командного состава, постоянные кадровые перемещения, неупорядоченность отношений подчинения и т.д.³⁸ Таким образом, наметившаяся в конце 1920-х гг. стабилизация оставалась неустойчивой.

С эволюцией в последние годы НЭПа политического режима от «диктатуры партии» к «диктатуре вождя» ужесточается карательная политика Советского государства. В новый Уголовный кодекс, принятый в ноябре 1926 года сессией ВЦИК, вошла известная 58 статья, ставшая правовой основой репрессий против «контрреволюционеров». В марте 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения», содержавшее ряд принципиальных положений, оказавших в последующем негативное влияние на пенитенциарную политику.

На рубеже 1920-1930-х гг. увеличиваются права главного карательного органа СССР – ОГПУ. В его структуре появляются новые отделы. Форсируется строительство новых исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. Расширяется сфера внесудебных репрессий, осуществляемых Особым совещанием ОГПУ, коллегией ОГПУ и тройками, образованными при отделах ОГПУ. Таким образом, с ломкой НЭПа и переходом к политике индустриализации и коллективизации прервался процесс формирования основ законности, начинается новая эпоха в истории силовых структур Советской России.

В начале 1930-х гг. перед органами внутренних дел республик Северного Кавказа были поставлены новые задачи. При переходе к индустриализации значительное место отводилось административно-репрессивным методам ее проведения. В годы предвоенных пятилеток методами принуждения пытались решить различные проблемы: улучшение качества продукции, укрепление трудовой дисциплины, закрепление кадров на предприятиях и т.д. Были изданы новые законы и подзаконные акты, регулировавшие политику внеэкономического принуждения. Органы милиции проводили операции по вскрытию «вредителей» в различных отраслях народного хозяйства.³⁹ При решении задач форсированной индустриализации руководство страны поощряло использование рабочей силы заключенных. В конце 1920-х – начале 1930-х годов сформировалась сеть лагерей, подчиненных ОГПУ, которые должны были способствовать индустриализации. ГУЛАГ и его подразделения к концу 1930-х годов превратились в крупнейшие строительное, железнодорожное, автодорожное, заготовительное и т.д. ведомства.

С переходом к политике коллективизации в регионе заметно возросла роль различных подразделений НКВД. Местные органы милиции занимались не только борьбой с организованной преступностью, но и участвовали в политике «ликвидации кулачества как класса», в борьбе с «вредителями» сельского хозяйства, с нарушителями трудовой дисциплины и т.д. К концу исследуемого периода органы внутренних дел стали одной из самых влиятельных и значимых сил в регионе.

³⁸ См.: ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 41. Л. 43об.

³⁹ См.: Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. С. 78.

Во втором разделе – «Тенденции и противоречия борьбы органов милиции и уголовного розыска с бандитизмом и организованной преступностью на Северном Кавказе в 1920-1930-е гг.» - проведен анализ криминогенной ситуации в регионе.

Автор показывает, что в годы гражданской войны на Северном Кавказе широкое распространение получило массовое неповиновение как красным, так и белым властям, которое часто проявлялось в форме партизанского движения. В советской исторической литературе широко было распространено мнение о якобы просоветской направленности этих выступлений.⁴⁰ Однако характер борьбы и тактика ведения боевых действий позволяют сделать вывод о том, что партизанские действия крестьян, казаков и горцев Северного Кавказа были зачастую направлены как против Белой Армии, так и против Советской власти. Фактически, партизанское движение в годы гражданской войны было самообороной местного населения Северного Кавказа в ответ на мобилизации и насильственное изъятие продовольствия. В нем совершенно ясно прослеживаются попытки находиться в стороне от борьбы Красной Армии и антибольшевистских сил, сражаясь при этом за свои экономические и узконациональные интересы.⁴¹

Только к началу 1920-х гг. большевики сумели использовать в своих целях стремления местных народов к более широкой автономии, в результате чего многие вооруженные отряды, сформированные в Дагестане, Чечне, Карачае, сражались в составе соединений Красной Армии и осуществляли партизанские действия против антибольшевистских воинских частей.

Криминализация Северного Кавказа в первой половине 1920-х гг. во многом была связана с наследием гражданской войны. Учитывая это, местные власти провозгласили решительный поворот к борьбе с остатками бандитских групп и уголовной преступностью. В 1926 г. Краевое совещание начальников подотделов уголовного розыска стимулировало усиление административного нажима на места с целью их понуждения к более активной борьбе с криминалом. Одновременно крайисполком предпринял попытку системного решения проблемы этнической преступности. Постановление от 7.07.1926 г. об учете национальных особенностей в процессе расследования и при рассмотрении уголовных дел граждан, принадлежащих к горским национальностям, по сути, преследовало цель «приспособить» УПК к особенностям жизни горских народов.

Следствием решительных мер власти стало общее повышение внимания к вопросам функционирования органов внутренних дел. Это позволило в итоге достичь определенных позитивных результатов, в частности, ускорились сроки расследования и, соответственно, движения дел в милиции и угро, осваивались научные методы регистрации и учета преступников. Первые результаты начала давать координация усилий органов внутренних дел различ-

⁴⁰ См.: Серебрякян С. Боевой путь красных партизан. Ростов-на-Дону, 1934. С. 110.

⁴¹ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май-октябрь 1918 г. Минск, 2002. С. 229.

ных регионов страны. В итоге произошло заметное снижение преступности в наиболее проблемных районах Северного Кавказа.

Новая волна противоречий на местном уровне, обусловившая рост преступности, возникла в связи с переходом к политике форсированной индустриализации и коллективизации в конце 1920-х - начале 1930-х годов. Для начального этапа коллективизации, когда власть предпринимала первые попытки претворить новые формы хозяйствования в жизнь, характерно пассивное неприятие проводимой политики среди значительного числа горцев, которое довольно быстро переросло в своеобразную форму саботажа. Ответственные работники на местах проводили различные экономические махинации, направленные на развал конкретного колхозного хозяйства. Нельзя сказать, что данные действия были результативны. К тому же, они быстро привлекли к себе внимание правоохранительных органов.⁴²

Автор показывает, что начавшуюся коллективизацию по-своему «прикрывали» бандформирования, скрывающиеся в труднодоступных районах северокавказских автономий еще с 1920-х гг. Неприятие частью горцев коллективизации они рассчитывали использовать в своих целях и активизировать борьбу против центральной власти, пополнить свои ряды и расширить свою поддержку среди мирных, но недовольных проводимой политикой горцев. Уже весной 1930 г. в некоторых равнинных районах Чечни органами ОГПУ было отмечено появление агитаторов из числа бандитов, чего ранее не фиксировалось.⁴³ Чувствуя протестные настроения в обществе и растущую поддержку, представители бандитов стали все чаще появляться в соседнем Дагестане и вести агитацию против советской власти. При этом планы антисоветского выступления были настолько амбициозными, что в качестве временных союзников бандитами рассматривались даже терские казаки.⁴⁴

Осенью 1929 г. имел место первый факт открытого неповиновения власти в условиях начавшейся коллективизации. Главы нескольких чеченских и ингушских тейпов, воспользовавшись грубыми ошибками советской власти, пытавшейся провести хлебозаготовки в равнинных частях Дагестана и Ингушетии, открыто призвали к срыву хлебозаготовок, разгромили ряд сыпных пунктов и вывезли из них собранное зерно. Кроме того, были выдвинуты и политические требования: вывести из автономий вооруженные отряды хлебозаготовителей, отменить продналог, заменить выборные органы советской власти старейшинами чеченских тейпов.⁴⁵ Выступление было подавлено воинскими частями и подразделениями местной милиции. Однако данные действия были признаны неудачными, поскольку всем организаторам и вдохновителям выступления удалось скрыться, а количество изъятого оружия было мизерным.

⁴² См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 76.

⁴³ См.: Там же. Д. 155. Л. 11.

⁴⁴ См.: Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы) / Под ред. Н. Ф. Бугая. - Майкоп, 1994. С. 79.

⁴⁵ См.: Данлоп Д. Россия и Чечня: история противостояния. - М., 2001. С. 192-193.

Советское правительство постоянно отслеживало рост влияния бандформирований в автономиях Северного Кавказа. Так, уже в марте 1930 г. была сформирована оперативная группа войск и целью активизации борьбы с политическим и иным бандитизмом общей численностью около 2500 человек. В ее состав, помимо пехотных и кавалерийских частей, вошла артиллерия и авиация.⁴⁶ Такие операции официально именовались «чекистско-войсковыми». В течение всей весны сформированное соединение активно действовало против бандформирований и изымало оружие у населения. В результате было арестовано 122 бандита и изъято около 1500 единиц стрелкового оружия.⁴⁷

Настойчивость, с которой органы власти проводили в жизнь политику коллективизации, вызывали ответную реакцию горцев. Первое организованное выступление против советской власти отмечено весной 1930 г. в Карачае. Тот уровень организованности, который демонстрировали повстанцы, позволяет утверждать, что восстание долго готовилось. Местные органы власти оказались не в силах справиться с ситуацией своими силами и потребовали помощь из Центра. В официальных документах отразился тот факт, что восставший народ выдвигал политические требования и упорно сопротивлялся.⁴⁸ О размахе сопротивления может свидетельствовать тот факт, что Мало-Карачаевском автономном округе разыгралось целое сражение. Отряд повстанцев, поделенный на взводы и сотни, атаковал Кисловодск. Восставшие сумели занять западную окраину города и завязать уличные бои.⁴⁹

В период начала 1930-х гг. крайне непросто складывалась криминогенная и политическая ситуация в Дагестане. В результате деятельности бандитских групп в отдельных районах практически была низложена советская власть. Возглавляемое лидерами сопротивления восстание охватило Курахский, Касумкентский и Табасаранский районы. В этом регионе недовольство коллективизацией помножилось на бурные протесты против закрытия мечетей и репрессий против духовенства. Антисоветские силы, подержанные духовными лидерами, активизировались и в аварских селах Харахи и Орота Хунзахского района.

В марте 1932 г. в районе аула Беной вспыхнуло восстание, которое не удалось подавить силами НКВД. Восставшие громили кооперативы, уничтожали советские деньги. Власть, однако, оказалась готовой к подобному развитию событий. Мятежникам не удалось взять штурмом ни один из осажденных гарнизонов, а сотрудники районных отделов НКВД своевременно с семьями успевали в них укрыться. Население восставших районов выдвинуло политические требования: прекратить конфискацию частных крестьянских хозяйств, прекратить политику ликвидации «кулачества», отозвать из

⁴⁶ См.: Аптекарь П. Война без края и конца // Родина. 2000. №1-2. С. 64.

⁴⁷ См.: Данлоп Д. Россия и Чечня: история противоборства. - М., 2001. С. 203.

⁴⁸ См.: Попов В.Г. Государственный террор в Советской России. 1923–1953 гг. // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. С. 34.

⁴⁹ См.: Александров К.М. Народ, режим и армия. Великий перелом 1930-1933 гг. // http://www.yabloko.ru/publications/2009/05/15_0

всех районов Чечни начальников ГПУ, ликвидировать народные суды и восстановить институт шариатских судов.⁵⁰

Только после вмешательства армейских частей восстание удалось подавить окончательно. В ходе следствия удалось выяснить, что данное выступление планировалось как общегорское. Восстать против советской власти должна была не только вся Чечня, но и Дагестан с Ингушетией. Выяснилось также, что в его подготовке принимали активное участие представители местного духовенства. Руководителями восстания была создана целая подпольная сеть, включающая вооруженные группы по всему Северному Кавказу.⁵¹

Лидеры бандитских групп рассчитывали, что озлобленное коллективизацией население в большинстве своем поддержит мятеж. Однако настоящему народным, т.е. получившим широкую поддержку народных масс, восстание стало только в части Чечни, где, по материалам ОГПУ, наблюдалась «организованность, исключительная жесточенность повстанцев в боях, непрерывные контратаки, невзирая на потери, религиозные песни при атаках, участие женщин в боях».⁵² Осенью 1932 г. произошли вооруженные выступления против коллективизации в Ингушетии, которые, впрочем, не были такими сильными и были достаточно быстро локализованы местными силами.

Власть при подавлении вооруженных выступлений против коллективизации активно использовала так называемые «партизанские» отряды. Такие подразделения формировались их представителей горцев (армян, грузин, осетин, азербайджанцев, дагестанцев и др.), изъявивших добровольное желание в них вступить. Помимо убежденных сторонников советской власти, в такие отряды вступало немало родственником тех, чьи семьи пострадали от действия бандитских формирований.

Третий раздел - «Органы внутренних дел в борьбе с экономическими и бытовыми правонарушениями на Северном Кавказе». В разделе показано, что деструктивные процессы криминализации общественного сознания, характерные для периода революционных потрясений, способствовали складыванию сложной криминогенной ситуации в республиках Северного Кавказа. В условиях разрухи преступность приобрела предельно простые формы. В первую очередь обращает на себя внимание большое число убийств, при низкой их раскрываемости. Основными видами преступлений стали кражи и грабежи.

Анализируя криминогенную ситуацию, нельзя обойти стороной вопрос о социальной и этнической базе преступности. Отмечая значение абречества, следует признать, что чуть ли не любой человек с оружием представлял опасность для обывателя. Горцы, казаки и иногородние, рабочие, крестьяне и интеллигенты - представители самых разных социальных и этнических групп пополняли армию криминалитета. Заметный вклад в разгул преступности

⁵⁰ См.: Рошин М. Ислам в Чечне // <http://www.religio.ru/relicsoc/postsovspace/136.phpl>

⁵¹ См.: Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920-1990-е гг. // Вопросы истории. 2003. №1. С. 14.

⁵² См.: Там же. С. 15.

внесли красноармейцы. К сожалению, не составляла исключения и милиция. Ее сотрудники также нередко оказывались в рядах преступников.

Исследование показало, что на Тереке и в Дагестане, благодаря многонациональному составу населения, переплетению различных укладов жизни и остро стоявшему земельному вопросу все противоречия в период гражданской войны достигли своего апогея.⁵³ Чрезвычайно важное значение для укрепления Советской власти на Северном Кавказе имел тот факт, что большевики признали целесообразность федеративного устройства Российской советской республики, а «Декларация прав народов России» провозгласила право наций на самоопределение.⁵⁴ Таким образом, большевики, не обладая на Северном Кавказе достаточным влиянием, сумели использовать в своих целях стремления местных народов к более широкой автономии, в результате чего многие вооруженные отряды, сформированные в этих регионах, сражались в составе соединений Красной Армии и осуществляли партизанские действия против антибольшевистских воинских частей.

Сложный этнический и социальный состав, мобильность населения, постоянное изменение административных границ, значительная концентрация участников белогвардейских формирований, высокий уровень политической и общей преступности обусловили крайне болезненную советизацию региона, затруднили формирование органов милиции.

Криминогенная ситуация оставалась сложной в связи с острой борьбой за землю в аулах Северного Кавказа. В мае 1924 г. между земельной комиссией станицы Ассиновской и комиссией села Ачхой-Мартан Чеченской области произошла перестрелка, в результате которой были убиты председатель земкомиссии Ассиновской и председатель станичного исполкома, а со стороны чеченской комиссии было убито 5 человек.⁵⁵ Причиной послужил спор во время встречи с целью обсуждения прав на спорный земельный участок. Земельные неурядицы и претензии не прошли мимо такого относительно спокойного региона как Адыгейская АО. В докладной записке Крайзу по землеустройству нацменьшинств Северного Кавказа от 3 ноября 1926 г. отмечается: «Сложность национального состава области наблюдающееся неравенство в землеобеспеченности отдельных национальностей - корень бесконечных земельных споров, которые тормозят дело землеустройства. Является настоятельной необходимостью выселение части русского населения для облегчения участи черкесского. Намечены участки в Кугойской степи для переселения туда до 15000 душ русского населения, из коих намечено к переселению в 1925-1926 гг. до 4000 душ».⁵⁶

Противоречия, вызванные малоземельем населения Адыгеи, были предметом обсуждения II областной партконференции этой автономной области в декабре 1926 г. На конференции отметили обострение национальной

⁵³ См.: Гулый Н. Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года / Сопrotивление большевизму. 1917-1918 гг. М, 2001. С. 463.

⁵⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 6. Л. 23.

⁵⁵ См.: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2... С. 207.

⁵⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 70. Л. 23.

розни между русскими и черкесами, и выход видели в переселения русских из Адыгеи куда-нибудь в другое место, но в пределах Северо-Кавказского края.⁵⁷ Приостановленные было выселения казаков начала-середины 1920-х гг., возобновились в период начала сплошной коллективизации. Теперь уже на другой политической основе, но с всё той же фактической стороной дела.

Начиная с конца 1920-х гг. с территории Северного Кавказа были переселены на Север, на Урал и др. отдалённые районы страны, по данным ОГПУ, 10595 семей (51577 чел.) кулаков, принадлежавших к различным национальностям, но в значительной части русские.⁵⁸ В августе-сентябре 1930 г. было выселено 11854 кулацких хозяйства, в том числе из Ставропольского округа - 1101 чел., из Терского - 1365 чел., из Кубанского - 2535 чел., из Армавирского - 1356 чел., из Майкопского - 1069 чел. и из Черноморского - 223 чел. Всего в 1930-1931 гг. было выселено 171933 чел. (38404 семьи).⁵⁹

Органы внутренних дел на Кубани и Тереке часто фиксировало конфликты на национальной почве между казаками и горцами. В сентябре 1926 г. в ст. Новомышастовской Краснодарского района на заборе стансовета был вывешен «Приказ №5» за подписью 4 600 домохозяев, где казаки клялись не брать земли и не наниматься к иногородним, а ослушавшимся угрожали смертью. Лично присутствовали при этом домохозяева станиц Андреевской, Гривенской, Ивановской, Мышастовской и некоторых других. Похожий случай в том же году произошёл в станице Ахтырской.⁶⁰

В 1926 г. «острый антагонизм по земельному вопросу» между казаками и иногородними (чаще всего русскими или украинцами) отмечался компетентными органами не только на Северном Кавказе, но и в Поволжье, и на Урале. При всей остроте противоречий в среде православного (чаще всего русского) населения, представленного казаками и иногородними, их столкновения не идут ни в какое сравнение по остроте и ожесточённости, с теми, которые разгорались среди горских народов.

Особое внимание в разделе уделено участию органов внутренних дел в реализации политики «сплошной коллективизации» и раскулачивания. Автор подчеркивает, что раскулачивание явилось очень болезненной вехой в истории деревни Северного Кавказа. Провозглашалась непримиримая политика ликвидации кулачества, которая затронула основы жизни горского общества. Критерии отнесения хозяйств к категории кулацкого были определены так широко, что под них можно было отнести и крупное хозяйство и бедняцкое. Это позволяло должностным лицам использовать угрозу раскулачивания как основной рычаг создания колхозов. Раскулачивание должно было продемонстрировать самым неподатливым, непреклонность власти и бесполезность всякого сопротивления.

Выработка практических мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств была начата ещё в декабре 1929 г. комиссией Политбюро ЦК ВКП(б),

⁵⁷ См.: Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма. Майкоп, 1999. С. 63.

⁵⁸ См.: Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса. М., 2001. С. 79.

⁵⁹ См.: Там же. С. 79-80.

⁶⁰ См.: Там же. С. 589.

а завершена январской комиссией ЦК. Результатом работы этих комиссий явилось постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и постановление ЦК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». ⁶¹

В соответствии с данными установками в феврале 1930 года на Политбюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и крайисполкома было принято постановление о ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края. Эти постановления были переданы на места. Постановления эти заключались в следующем: 1. Отменить в районах сплошной коллективизации аренду земли и применение наемного труда в сельском хозяйстве. 2. Конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы. 3. Кулаки должны облагаться повышенным налогом, лишаются избирательных прав, не должны допускаться в органы управления кооперативных объединений. 4. Так же местным органам власти предоставляется право принимать все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества и выселения их из пределов данных районов и областей. ⁶²

Конфискованные у кулаков средства производства и имущество должны были передаваться в колхозы в качестве взносов батраков и бедняков, с зачислением их в неделимый фонд колхозов. Удельный вес фондов раскулаченных хозяйств в фондах колхозов Ставрополя в середине 1931 г. составил в среднем на один колхоз 26,3%. ⁶³

На органы внутренних дел возлагались задачи борьбы с крестьянами, сопротивлявшимися политике коллективизации. Особое внимание уделялось раскулачиванию, которое проходило по трем категориям. К первой категории относились контрреволюционный кулацкий актив – участники антисоветских и антиколхозных выступлений. Кулаки этой категории подлежали аресту и суду, а их семьи выселению в отдаленные районы страны. К ним присоединились организаторы террористических актов – к ним применялась высшая мера наказания. Ко второй категории были отнесены крупные кулаки и полупомещики, активно выступавшие против коллективизации – они подлежали высылке в отдаленные районы страны вместе с семьями. С правом перевозки грузов не выше 30 – 50 пудов на семью. Третью категорию составила основная масса кулацких хозяйств, которые подлежали расселению специальными поселками на новые отводимые им за пределами колхозных хозяйств участки. Из имущества они могли оставить самый минимум. Это орудия производства для ведения хозяйств на этих участках.

⁶¹ См.: Осколков Е. Н. Успехи коллективизации в Северо-Кавказском крае. Ростов на Дону. 1977. С.

⁶² См.: Ларина А. И. История отечества в документах. М., 1994. С. 174.

⁶³ См.: Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. №3. С. 35-55.

Для переселенцев предлагалось создать спецпоселение, управление которыми возлагалось на ОГПУ. На территории Ставропольского края было сформировано 11 спецпоселков режимного типа в Апанасенковском (Дербетовка, Белы Камни, Малая Джамала, Киевка, Дивное, Манычское), Аргирзском (Ново – Романовское, Петропавловское), Левокумском (Николо – Александровское), Буденовском районах (Новая жизнь, Песчаное). В них поселилось 45,5 тыс. человек.⁶⁴

Переселение проводилось в спешке без должной подготовки. В результате у переселенцев плохо обстояло дело с сельскохозяйственным инвентарем и тягловой силой, около 40% хозяйств вообще не имели ничего.⁶⁵ Не хватало продовольствия, не добросовестное отношение было и к медицинской помощи пребывающим на новое место жительства. Участки, которые отводились для поселения, часто не отвечали своему назначению, были без воды и материалов для постройки жилья.

Параллельно с тяжелыми условиями размещения и проживания, переселенцам было запрещено выезжать за пределы спецпоселений, продавать имущество, а в случае невыполнения хозяйственного плана, производственных заданий, не сдачи товарной продукции, государственным или кооперативным организациям, семья переселенца лишалась права землевладения и переселялась в другой район.⁶⁶

Все меры по ликвидации кулачества в рамках сплошной коллективизации, естественно вызывали отчаянное сопротивление со стороны зажиточных крестьян, а в некоторых случаях открытый террор. Так из справки Терского ОКР исполкома о ходе сплошной коллективизации от 19 марта 1930 г., мы узнаем о том, что в Есентукском районе были убиты 3 комсомольца активиста.⁶⁷ Из протокола заседания правления колхоза «Красный партизан» Горячеводского района мы узнаем об убийствах кулаками колхозника станицы Богустанской А. Морозова.⁶⁸ Ещё один документ, свидетельствующий о гибели чекиста – красноармейца В. Гофицкого. Этот террор был вызван искусственными жестокими мерами со стороны советской власти, которая непримиримо боролась с кулачеством.

Сопротивление со стороны кулаков проходило и в формах агитации. Одной из распространенных форм сопротивления насильственной коллективизации и раскулачиванию явилось писание жалоб в различные служебные инстанции.⁶⁹ В большинстве своем эти жалобы оставались без удовлетворения. Кроме жалоб, заявлений от отдельных раскулаченных и сосланных крестьян, поступали многочисленные письма – поручительства от целых групп крестьян отдельных сел, в числе которых были и представители бедноты и батрачества, содержащие просьбы вернуть того или иного односельчанина

⁶⁴ См.: ГАСК. Ф. 300. Оп. 5. Д. 1502. Л.13.

⁶⁵ См.: Осколков Е.Н. Успехи коллективизации в Северо-Кавказском крае. Ростов на Дону. 1977. С.

97.

⁶⁶ См.: Ларина А.И. История отечества в документах. М., 1994. С. 176.

⁶⁷ См.: ГАСК. Ф. 233. Оп. 45. Д. 1262. Л. 12.

⁶⁸ См.: Наш край Ставрополье. Ставрополь. 1999. С. 284.

⁶⁹ См.: Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 гг. Кто виноват. М., 1999. С. 82.

на его прежнее место жительства. Подобного содержания писем было очень много. Властью они воспринимались как «кулацкие провокации» и рассматривать их воспрещалось. В тоже время среди колхозников и единоличников настоятельно рекомендовалось усилить агитационную работу, стержнем которой должен быть политико-идеологический постулат: «Ликвидация кулачества как класса есть необходимое и обязательное условие социалистической реконструкции сельского хозяйства на базе сплошной коллективизации».⁷⁰

В заключении автор подводит итоги работы, делает обобщения, и выводы, предлагает рекомендации по дальнейшему научному осмыслению и анализу данной научной проблематики. В частности, автор показывает, что выполняя огромный объем работы по административному регулированию, обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью, правоохранительные структуры представляли собой не только важнейшую составную часть государственного аппарата, но являлись, по сути, символом внутривнутриполитической стабилизации, позволяющей отказаться от крайностей военного террора, мерилом успеха процессов государственного строительства.

По теме исследования опубликованы следующие работы:

Работы, опубликованные в перечне периодических научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Мусаев М.А. Исторический опыт и уроки борьбы с организованной преступностью на Северном Кавказе в 1921-1939 гг. // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.: РГСУ. 2009. № 2. С. 53-57. (0,5 п.л.).

2. Мусаев М.А. Органы внутренних дел республик Северного Кавказа в борьбе с бандитизмом в 1920-1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». М., 2009. № 1. С. 193-198. (0,4 п.л.).

3. Мусаев М.А. Общественные волнения на Северном Кавказе в период коллективизации на рубеже 1920-1930-х гг. // Вестник Военного университета. М., 2010. № 3. С. 128-132. (0,5 п.л.).

Статьи:

4. Мусаев М.А. Деятельность органов внутренних дел по стабилизации обстановки на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. // Социально-гуманитарные науки на современном этапе. Москва. МГУС, 2007. С. 112-117. (0,5 п.л.).

5. Мусаев М.А. Опыт и уроки борьбы с экономическими преступлениями на Юге Советской России в годы НЭПа (1921-1929 гг.) // Ученые записки АГУ. Материалы итоговой научной конференции. Астрахань: Изд-во АГУ, 2008. С. 122-127. (0,6 п.л.).

6. Мусаев М.А. Тенденции и противоречия борьбы органов милиции и уголовного розыска с бандитизмом и организованной преступностью на Се-

⁷⁰ См.: Ларина А.И. История отечества в документах. М., 1994. С. 176.

верном Кавказе в 1920-1930-е гг. // Россия в поисках национальной стратегии развития. - Екатеринбург, 2010. С. 48-56. (0,8 п.л.).

Подп. к печ. 14.03.11 Объем 1 п.л. Зак. № 255 Тираж 100

Типография МПГУ